

Исторія Года *).

Глава I.

Исторія Распятія, Погребенія и Воскресенія изъ мертвыхъ, на которую одни смотрятъ какъ на красивую легенду, а другіе какъ на однажды совершившееся божественное событіе, есть неотдѣлимая часть жизни міра, которая разыгрывалась во всѣ времена и будетъ разыгрываться до окончанія вѣковъ. И до тѣхъ поръ, пока существуетъ земная форма жизни, снова и снова во всѣхъ подробностяхъ будетъ повторяться эта величайшая изъ всѣхъ драмъ какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка и въ болѣе обширной жизни міра, такъ и въ исторіи каждаго года. Осень, зима, весна, повторяются съ неизмѣнной точностью; рожденіе, смерть и воскресеніе отмѣчаютъ послѣдовательные періоды каждой индивидуальной жизни. Относительно безличной Природы то же самое чудо совершается дѣйствіемъ божественнаго Духа, который спускаясь, проникаетъ въ матерію и снова возвращается къ божественному Источнику.

Желаніе, бракъ, рожденіе, вотъ что ведетъ насъ сюда. Любовь, смерть, воскресеніе, вотъ что уводитъ насъ отсюда. Для первыхъ трехъ символомъ служатъ алыя розы, вторые три, безконечно болѣе прекрасныя и несравненно нѣжнѣе благоухающія,

*) Эта маленькая книга, раздѣленная на восемь главъ, воспроизводитъ духовныя переживанія „ученика“ (челы) въ высшихъ мірахъ; они записаны Мабель Коллинсъ, записавшей также изрѣченія „Свѣтъ на Пути“ (имѣются въ русскомъ переводѣ, въ изданіи Посредника). Въ „Исторіи Года“ развертывается глубокая драма этихъ переживаній. Отличительная черта ученика: самоотреченіе во имя служенія міру. Пока ученикъ еще продолжаетъ жить обособленной личной жизнью, онъ не можетъ участвовать въ высшей жизни Духа, которая сверхлична и вся направлена на облегченіе трудной человѣческой эволюціи. Когда ученикъ побѣдилъ свою личность, очистилъ свое сердце и поднялся до сверхсознанія, тогда Учитель принимаетъ его какъ новую благую силу для помощи страдающему человечеству и для поднятія его на высшую ступень.

Прим. перев.

символизируются бѣлыми розами. Картинно изображающая ихъ легенда, которая и составляетъ центральное повѣствованіе всѣхъ великихъ міровыхъ религій, до того жизненна, что ее можно прослѣдить въ ежегодной драмѣ, неустанно разыгрывающейся передъ нашими глазами. Астральная жизнь природы, совпадающая во всемъ существенномъ съ астральной жизнью человѣка, повторяется съ совершенной точностью и неизмѣнной правильностью. Какъ съ каждымъ появленіемъ весны распускаются новые зеленые листочки, такъ и внутреннее значеніе этихъ зеленыхъ листочковъ должно обнаруживаться со всею драматическою полнотою. Ясновидцамъ удалось заглянуть въ тайну этой старой, какъ міръ, и все же вѣчно юной исторіи и передать ее міру какъ единое откровеніе, но ни ограничивать ее, ни предъявлять на нея свое исключительное право, не должна ни одна религія и ни одна личность; она—принадлежность всей матеріальной жизни въ цѣломъ, если принимать подъ матеріальной жизнью всю Природу, включая и человѣка, поскольку онъ—физическое существо.

Декабрь есть мѣсяць рожденія года, когда душа человѣка и душа міра и вся Природа проходитъ черезъ родовыя муки. Февраль и Мартъ—мѣсяцы смерти. Апрель—мѣсяць воскресенія изъ мертвыхъ. Май—мѣсяць превращенія изъ одного состоянія въ другое.

Кто желаетъ преобразить жизнь года въ божественную, тотъ долженъ присутствовать при церемоніяхъ этихъ священныхъ мѣсяцевъ. Рождество, Страстная пятница и Свѣтлое Воскресеніе являютъ собой три момента въ году, когда происходятъ три главныя церемоніи. Остальные—только подготовленіе къ нимъ. Но душа „ученика“ должна присутствовать на нихъ и понимать ихъ смыслъ, иначе, когда настанутъ великіе дни, душа не будетъ знать.

Въ декабрь происходитъ семь церемоній. Первая—„Желаніе Рожденія“; черезъ пять дней настаётъ „Переживаніе Ужаса“; черезъ три дня „Церемонія Посвященія“; черезъ пять дней „Праздникъ Любви“; еще черезъ пять дней „Праздникъ Единенія“. Черезъ семь дней послѣ того наступаетъ „Праздникъ Удовлетворенія“; пять дней позднѣе—великій „День Рожденія“, извѣстный христіанамъ какъ Рождество Христово.

Оккультистъ, или Ученикъ Эзотерической школы, желающій сдѣлаться частью жизни Цѣлаго, проникаетъ въ эти священные часы въ самую суть астральной души міра и познаетъ нѣкоторыя изъ тайнъ божественной жизни и ея брачнаго союза съ матерьяльностью.

Одинъ изъ Учениковъ, проникшій въ эти Мистеріи, даль нѣсколько описаній церемоній и праздниковъ и нѣсколько формулъ, произносимыхъ при этомъ.

Первая церемонія, *Желаніе Рожденія*, такъ далека отъ человѣческой и матеріальной жизни, является въ такой степени частью еще не рожденного духа, что описать ее почти невозможно. Она не передаваема на человѣческомъ языкѣ. Происходитъ она въ началѣ декабря и съ нея начинается мистическая исторія года.

Слѣдующая церемонія, происходящая пять дней позднѣе— „Переживание Ужаса“. Ученикъ, вступающій въ Храмъ Познанія (мѣсто, знакомое ясновидцамъ), находитъ его въ этотъ день темнымъ и пустыннымъ съ широко распахнутыми дверями... Вѣтеръ стремительно пронесется черезъ него... Внутри все проникнуто тревогой, ни одной точки покоя, ни единой искры свѣта... Стѣны совсѣмъ черныя и рѣка, свободно протекающая посреди, также черна и съ шумомъ ярости катитъ свои волны вдоль стѣнъ. Вся картина такова, что хочется бѣжать въ ужасъ, и ни одинъ ученикъ, разъ узрѣвшій ее, никогда не рѣшится взглянуть на нее снова; лишь незнающій въ состояніи стремительно войти и быстрымъ взоромъ окинуть происходящее. Болѣе мудрые знаютъ, *какое* это отчаянье, и—затишаютъ и силой удерживаютъ свою вѣру, несмотря на одолевашій ихъ страхъ; ибо если бы Ученикъ оставался даже у своего собственнаго очага съ рукой нѣжно любимого друга въ своей рукѣ, все же внезапное чувство безпредѣльнаго одиночества ниспадаетъ въ сердце и оно остановится на мигъ, пронзенное ужасомъ и болью.

Нужно помнить, что въ первой церемоніи „Желаніе рожденія“ вступительный шагъ сдѣланъ, душа перешла въ жизнь новую и еще неизвѣданную. Слѣдующимъ переживаніемъ будетъ неминуче чувство изумленія и смятенія. Вступающій въ оккультизмъ *долженъ* пройти черезъ это испытаніе. Въ первый разъ оно кажется ужаснымъ, ибо ему не предвидится конца. Перейти черезъ него кажется невозможнымъ. Въ дѣйствительности, страданія, черезъ которыя проходитъ рождающаяся въ новую жизнь душа, тѣ же, черезъ которыя проходитъ рождающееся дитя. Это—воистину страданія новорожденного и совершаются они по тѣмъ же законамъ. Когда же великое усиліе совершено, оно немедленно забывается; но повторяется оно съ каждымъ новымъ періодомъ роста, и съ каждымъ новымъ шагомъ по „тѣсному пути“ испытаніе становится все болѣе страшнымъ. Первоначальная форма этого испытанія, черезъ которую проходитъ каждый человѣкъ, это—сознаніе

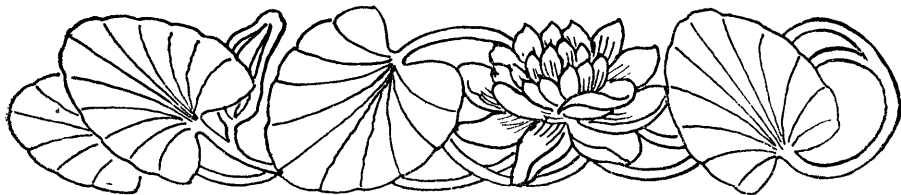
холоднаго равнодушія, съ которымъ міръ относится къ его переживаніямъ. Всѣ проходятъ черезъ этотъ урокъ жизни, сперва съ ропотомъ, а позднѣе подчиняются неизбѣжному и склоняются передъ нимъ съ готовностью, какъ въ Природѣ склоняются передъ напоромъ вѣтра. Но послѣ вступленія на Путь, съ каждымъ новымъ переживаніемъ „Церемоніи Рожденія“, Ученикъ проникаетъ все глубже въ нѣдра своей собственной души, пока, наконецъ, не потеряетъ все: себя самого, своего Руководителя, Учителя своего и Бога и не останется одинокимъ.

Желаніе рожденія смѣняется чувствомъ ничтожества; желаніе силы, могущества, совершенства, замѣняется убѣжденіемъ, что *ничего нѣтъ*, что усиліе — тщетно, что могущество—безцѣльно, потому что совершенство невозможно. Это и есть страшное появленіе Охранителя Порога. И все же необходимо пройти смѣло и безъ содроганія черезъ страшное испытаніе потери всякаго довѣрія къ своей собственной душѣ и вѣры въ своего Учителя. Въ этотъ роковой день всѣ, кто поддерживалъ и помогалъ ученику во всѣхъ другихъ испытаніяхъ, удаляются отъ него, исчезаютъ, уходятъ совѣмъ: ихъ нѣтъ болѣе... Безъ трепета и безъ грусти долженъ ученикъ перенести это.

Переводъ Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исторія Года.

ГЛАВА II *).

Пройдя через мракъ отчаянья и понявъ, что всякое обладаніе лишь временно, что все мѣняется и исчезаетъ, Ученикъ готовъ пожертвовать всѣмъ, что имѣеть, дабы служить божественной жизни, которая одна лишь сохраняется вѣчно и неизмѣнно. Отнынѣ онъ знаетъ, что и онъ самъ—существо измѣнчивое и преходящее и онъ готовъ отдать самую душу свою ради того, чтобы питался божественный зародышъ, глубоко скрытый въ немъ, который спасетъ его отъ колебаній и непостоянства, господствующихъ надъ матеріальной жизнью.

Вотъ первая и простѣйшая формула, произносимая при Церемоніи Посвященія:

Посвящаю духъ, долженствующій родиться внутри меня, служенію великому Духу Любви.

Въ наступающемъ году я буду пребывать въ Святилищѣ Любви.

Я не нарушу законовъ этого Святилища души.

Я буду помнить, что не долженъ просить любви, а долженъ давать любовь; что я долженъ отдать міру всего себя.

Я не буду дѣлать зла никому; я буду прощать всѣмъ. Въ отвѣтъ я желаю лишь одного: чтобы духъ, долженствующій родиться во мнѣ втеченіи этого мѣсяца, былъ признанъ Братствомъ душъ за душу, причастную вѣчной Любви.

Когда эта формула произнесена, Ученикъ дѣлаетъ глубокой поклонъ и наступаетъ тишина. Та тишина, въ которой говорить

*) См. „Вѣстн. Теософіи“ № 1, стр. 55.

Голосъ Безмолвія. Индивидуальность Ученика опредѣлилась, въ мірѣ Духа онъ признанъ и принятъ. Вѣсть, передающая ему о томъ, слышна въ его собственномъ сердцѣ, а также и въ сердцахъ тѣхъ, которые способны разслышать Голосъ Безмолвія, но до земного слуха тотъ Голосъ достигнуть *не* можетъ.

Толпа еще непрозрѣвшихъ душъ, которыя въ неясномъ полусознаніи уже испытываютъ влеченье стать частью божественнаго тѣла Любви, появляются въ этомъ великомъ событіи изъ драмы Мировой Души, но не съ открытымъ лицомъ, а съ наброшеннымъ покрываломъ... Въ этомъ сборищѣ участвуютъ тѣ, которые еще не dokonчили своего развитія, которые вѣрятъ въ своихъ личныхъ учителей и слѣпо вѣрятъ въ Бога, на котораго уповать ихъ учили съ дѣтства.

Сила и чистота ихъ желанія даетъ имъ право участвовать въ радостяхъ и страданіяхъ Посвященія, но они переживаютъ это участіе въ темнотѣ, въ темнотѣ души, еще не просвѣщенной истиннымъ Свѣтомъ.

Но, при свѣтѣ или въ темнотѣ, Духъ *долженъ* преклониться въ Святой Святыхъ своей души. Этотъ мигъ въ жизни Духа называется въ оккультизмѣ „глубокимъ поклономъ“.

Когда же описанная Церемонія окончена и вполне пережита, ученикъ достигаетъ ступени новаго знанія и развитія, которыя уже не могутъ быть утеряны никогда. Право присутствовать при этомъ пріобрѣтается чаще всего побѣдою надъ чувствомъ законнаго негодованія, вызваннаго испытанной обидой или несправедливостью. Ничто, кромѣ большой личной жертвы и самоотреченія подобнаго рода, не даетъ этого права. Подобное самоотреченіе, сотворенное въ духѣ, имѣетъ абсолютное значеніе, оно покрываетъ не отдѣльный случай несправедливости или обиды, но всѣ возможные случаи несправедливости и обиды. Въ позднѣйшихъ переживаніяхъ Ученику несравненно труднѣе побѣдить негодованіе при видѣ несправедливости, нанесенной другимъ, и особенно беззащитнымъ. Но прошедшій черезъ Церемонію Посвященія долженъ пройти въ свое время и черезъ большія глубины проникновенія, совершенство котораго будетъ расти по мѣрѣ усилій Ученика.

Припомните слова Великаго Учителя, обращенныя къ Его Ученикамъ: „гдѣ двое или трое собрались во Имя Мое, тамъ Я буду съ ними“.

Первое опытное оккультное усиліе, предстоящее тѣмъ „двоимъ или троимъ“, которые стремятся къ единенію, состоитъ въ

томъ, чтобы—присутствуя на Церемоніяхъ—узнать другъ друга въ духѣ. Но это возможно лишь тогда, когда каждый изъ двухъ или трехъ уже прошелъ по одиночкѣ черезъ Церемоніи и завоевалъ право присутствовать на нихъ сознательно во всѣ времена. И тогда, при возобновленіи Церемоній, возможно что эти двое или трое встрѣтятся въ духѣ и узнаютъ другъ друга и пройдутъ рука съ рукой черезъ болѣе глубокія мистеріи. Безъ такого товарищества почти невозможно вынести испытанія послѣднихъ Церемоній. Но нужно при этомъ твердо помнить, что „узнать“ означаетъ здѣсь явленіе внутренней жизни, а никакъ не внѣшней, въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Ни дружба, ни любовь, какъ эти чувства понимаются человѣкомъ, пока онъ еще только человекъ, не могутъ представлять собою вѣрнаго указанія. И это абсолютно вѣрно, хотя бываетъ иногда, что эти чувства, называемыя нами дружбой или любовью, и служатъ выраженіемъ истиннаго союза духа.

Но никогда не слѣдуетъ смѣшивать это духовное единство съ внѣшнимъ союзомъ, какъ бы чистъ и глубоко онъ ни былъ; самый фактъ устремленія вниманія въ невѣрномъ направленіи влечетъ за собою неминуемое возмездіе.

Какъ разъ во время оккультныхъ Церемоній происходитъ встрѣча членовъ Бѣлаго Братства, когда принадлежащіе къ божественному Ордену Любви впервые узнаютъ о существованіи другъ друга. Если, достигнувъ сознательности въ астральномъ мірѣ, Ученикъ узнаетъ въ рядомъ стоящемъ друга или возлюбленнаго земного своего существованія, тогда его успѣхъ на духовномъ пути достигъ высокой ступени. Ибо только послѣ многихъ и многихъ усилій удастся Ученикамъ соединиться рука съ рукой въ физическомъ мірѣ. Но возможнымъ это можетъ стать лишь когда божественное въ человѣкѣ окрѣпнетъ и войдетъ въ силу настолько, чтобы могъ развернуться въ немъ лепестокъ цвѣтка—Лотоса *), нѣжный аромат котораго усилится при этомъ до столь явнаго благоуханія, что станетъ доступенъ даже и для земныхъ чувствъ. Но если бы это и случилось (и благословенъ тотъ, кому дается столь рѣдкій даръ), никто, кромѣ Посвященныхъ высшей ступени, не въ состояніи узнать о томъ иначе, какъ въ астральномъ сознаніи. Остальные могутъ вѣрить въ это такъ глубоко,

*) „Лотосъ“ или „Чакрамъ“ такъ называются въ оккультизмѣ тѣ органы будущей эволюціи человѣка, которые имѣются въ зачаточномъ состояніи у всѣхъ людей; въ воплоти развитомъ состояніи они служатъ посредниками между земнымъ сознаніемъ человѣка и астральнымъ и духовнымъ мірами.

что ихъ увѣренность почти равносильна знанію, и все же она должна оставаться для нихъ прекраснымъ романтическимъ предметомъ вѣры, дающимъ радость и помощь до тѣхъ поръ, пока отношеніе къ ней останется должное. Но основывать на ней свою дѣятельность, даже самую безкорыстную, нельзя. Законы Природы не могутъ быть нарушены безъ противодѣйствія съ ихъ стороны, и совершенно такъ же проявляются и законы высшихъ міровъ. Одинъ изъ первѣйшихъ принциповъ оккультизма или религии власти требуетъ, чтобы человѣкъ работалъ въ гармоніи съ силами жизни. Поступая такъ, онъ пользуется этими силами; противодѣйствуя имъ, онъ неизбежно навлекаетъ на себя страданіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. Е. П.

Раскрытіе цвѣтка, это—тотъ дивный мигъ, когда пробуждается духовное вѣдѣніе: съ нимъ наступаетъ увѣренность, знаніе, довѣріе, Душа какъ бы останавливается въ восхищенномъ изумленіи. Слѣдующій за этимъ мигъ удовлетворенія и есть „неизрѣченная тишина“. Знай, ученикъ, что тѣ, которые прошли черезъ эту тишину, приняли ея миръ и постигли ея силу. Они жаждутъ, чтобы и ты прошелъ черезъ нее. Вотъ почему каждый ученикъ, способный войти въ „Храмъ Познанія“, *всегда* найдетъ своего Учителя.

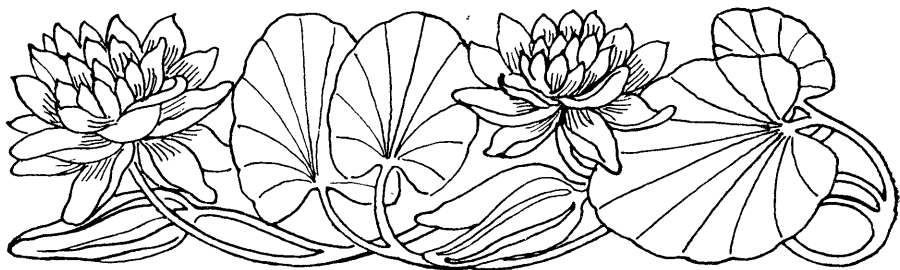
„Свѣтъ на Пути“.

* * *

Только отзвуки великой пѣсни Жизни достигнуть до твоего слуха, пока ты все еще человѣкъ. Но если ты будешь прислушиваться къ ней такъ, чтобы ни одна изъ ея мелодій не потерялась для тебя, и будешь стремиться познать отъ нея глубокой смыслъ окружающей тебя тайны, тогда ты сдѣлаешься своимъ собственнымъ учителемъ.

„Свѣтъ на Пути“.

* * *

Исторія Года.

Глава III *).

Слѣдующій большой праздникъ рожденія—праздникъ Любви. Онъ приходитъ въ круговоротъ года черезъ четыре дня послѣ Посвященія.

Вотъ описаніе части этой Церемоніи, какъ она записана ученикомъ, присутствовавшимъ сознательно во время ея совершенія.

„Сегодня весь чертогъ, гдѣ происходитъ церемонія, окрашенъ зеленымъ и пурпуромъ. Большая рѣка, протекающая изъ конца въ конецъ и часто невидимая для глаза, на этотъ разъ совсѣмъ открыта. Она напоминаетъ тихую луговую рѣку, окаймленную высокими травами, каковую можно видѣть лѣтомъ въ прохладной странѣ.

„Камыши и тростники возвышаются надъ травами, словно группы стройныхъ привидѣній. Всѣ стѣны горятъ драгоценными камнями, которые сами собой складываются въ слова для тѣхъ, кто способенъ читать.

Снаружи тѣснится толпа, ожидающая войти. Это мѣсто, которое мы зовемъ „Чертогъ Обученія“, стоитъ посреди большой, широкой, призрачной страны, гдѣ очень трудно подвигаться впередъ такъ сильно смущаютъ путника непрестанно движущіяся тѣни. Тѣни эти появляются и исчезаютъ, и приводятъ идущаго въ странное замѣшательство.

Въ этомъ смутномъ смѣшеніи тѣней трудно увидать Чертогъ Обученія, несмотря на всю его обширность. Но это только вначалѣ; когда разъ увидишь его, онъ будетъ виденъ всегда, ярко освѣщенный, исключая только одного момента, когда совершается

*) См. „Вѣстн. Теософін“ № 2, стр. 53.

церемонія, о которой была уже рѣчь, названная нами „Переживаніе Ужаса“. Въ остальное время Чертогъ наполненъ такимъ сіяніемъ, равнаго которому не найти во всемъ мірѣ. Это—свѣтъ познанія. При входѣ—длинный рядъ ступеней, которыя иной разъ кажутся горами, а иной разъ сглаживаются въ ничто. Бываетъ, что проходитъ такъ много времени, пока ученикъ поднимется на одну лишь ступень, что когда онъ достигнетъ до входа, дверь оказывается закрытой и войти уже нельзя. Но даже если дверь стоитъ и полуоткрытой, она поддается такъ тяжело, что совсѣмъ раскрыть ее чрезвычайно трудно. На тѣхъ учениковъ, которымъ удается войти, немедленно набрасывается покрывало, чтобы глаза ихъ не ослѣпли отъ свѣта, а слухъ не погибъ навсегда для земныхъ звуковъ, разъ до него коснется невыразимая сладость музыки этого внутренняго міра.

„Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ формулы Церемоніи Любви:

„Любовь есть единый властелинъ,

„Единый повелитель,

„Единый творецъ.

„Ненависть и Сатана—одно: Мятежникъ, производитель смуть, разрушитель.

„Дѣйствіе любви—милосердіе.

„Дѣйствіе ненависти—злоба.

„У любви лишь одно наказаніе для грѣшника, наказаніе это—*Прощеніе*.

„Жить сообразно закону любви—мы знаемъ это—въ тысячу разъ труднѣе, чѣмъ жить по закону ненависти: настолько же, на сколько труднѣе быть божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ.

„Ради этого великаго усилія мы жертвуемъ собою и обязываемся соединиться воедино для осуществленія его. Ибо въ одиночествѣ это не выполнимо.

„Жить сообразно закону любви означаетъ, прежде всего, принятіе всякаго зла за добро. Этимъ принятіемъ, совершеннымъ въ духѣ любви, зло преобразуется въ добро. Преображенію зла въ добро какъ въ собственной душѣ, такъ и въ душѣ другихъ, а также въ дѣлахъ земной жизни мы посвящаемъ себя. Этому усилію любви мы отдаемъ себя на все время, пока длится жизнь наша. Отнынѣ мы не будемъ избѣгать зла. Любовью мы преобразимъ его. Любя его, мы дѣлаемся частью творческаго начала (ко-

торое есть Любовь), слѣдовательно облакаемся властью давать всему, что любимъ, новую жизнь.

«Потоки Любви смываютъ всякую порчу.

«Потоки любви разрушаютъ всѣ преграды, ихъ сила, являющаяся частью движенія вѣчной Жизни, и ихъ стремительность уносятъ всѣ временныя соединенія и разрушаютъ ихъ. Они увлекаютъ человѣка въ глубину великаго центра Любви, и все менѣе важное остается—какъ не имѣющее значенія—по сторонамъ потока. „Тотъ, кто въ состояннн погрузить хотя бы ноги или руки въ этотъ потокъ, уже получаетъ силу встрѣчать лицомъ къ лицу Жестокость земной жизни и презирать ее, страдая при этомъ въ тысячу разъ болѣе тѣхъ, кто ни разу не слыхалъ о Водахъ Жизни и никогда не приближался къ нимъ.

„Но кто способенъ *весь* погрузиться въ нихъ, тотъ переходитъ въ такое состоянн, когда мнръ и вся его жестокость уже не могутъ болѣе затронуть его“.

Тотъ же ученикъ, который записалъ выше изложенное, на слѣдующій годъ проникъ одной степенью далѣе въ Мистеріи, и тогда Чертогъ предсталъ передъ нимъ въ совершенно другомъ видѣ.

„Чертогъ обученія казался совершенно бѣлымъ. Можно бы подумать, что полъ покрытъ бѣлымъ бархатомъ, если бы всѣ поверхности не имѣли того же вида, словно всѣ онѣ были засыпаны снѣгомъ, который и придавалъ всему эту странную глубокую бѣлизну. Но холода не могло быть, иначе бы вдоль стѣнъ не стояли бѣлыя лилія, стройныя и высокія, въ ростъ человѣческой.

„Многіе изъ присутствующихъ видятъ Чертогъ, повидимому, совершенно инымъ, и я никогда не видалъ его ранѣе въ такомъ видѣ. Для меня нѣтъ болѣе той сверкающей игры цвѣтовъ, которую я всегда видѣлъ здѣсь ранѣе.

„Бѣлизна эта появляется, когда мнръ любви снизошелъ въ сердце, когда любовь сдѣлалась абсолютно безкорыстной. То—чистота любви, которая дѣлаетъ ее совершенной, но чистота не въ смыслѣ аскета, который даромъ растрчиваетъ предоставленную ему природой возможность пройти черезъ весь подготовительный опытъ, но въ смыслѣ оккультиста, который хорошо знаетъ, до какой степени мало имѣетъ значенія та форма, въ которой любовь проявляется въ земномъ мнрѣ, пока она по сущности своей остается безкорыстной.

„Цвѣтъ въ этихъ церемоніяхъ указываетъ на разрядъ вибрацій, на которыя мысль и чувство ученика способны отзываться;

такимъ образомъ каждый, понимающій языкъ красокъ, знаетъ опредѣленно по тому, *что* видитъ передъ собой, въ *какомъ мѣстѣ* Божественнаго порядка онъ стоитъ. И тотъ же языкъ складываетъ для присутствующихъ *ту* формулу, какую каждый изъ нихъ въ состояніи понять и принять.

„Безкорыстіе создаетъ кристальное качество, которое угашаетъ живую окраску цвѣтовъ и драгоценныхъ камней, подобно тому, какъ при чрезвычайно сильномъ солнечномъ свѣтѣ блѣднѣетъ яркость цвѣтовъ.

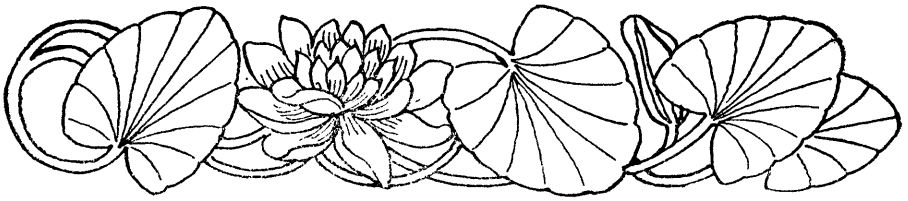
„Получить нѣкоторое понятіе объ этой бѣлизнѣ возможно только тогда, когда сердце раскрылось не только для тѣхъ, кто ему приноситъ радость, но и для всего большого печального міра, и даже для той его части, одно воспоминаніе о которой вызываетъ боль и томленіе.

„Драгоценные камни, которыхъ я ранѣе видѣлъ сверкающими по стѣнамъ Чертога съ переливами самоцвѣтнаго блеска, сегодня подобны звѣздамъ или же очамъ, исполненнымъ свѣта. Виднѣющійся по ту сторону алтаря садъ, который я всегда видѣлъ наполненнымъ роскошно окрашенными цвѣтами, сегодня сіяетъ сплошной бѣлизной и производитъ впечатлѣніе снѣга — странно призрачное впечатлѣніе, когда знаешь, что все кругомъ согрѣто тепломъ.

„Я не вижу никого, все пространство кажется мнѣ пустымъ, и въ то же время я чувствую вокругъ себя присутствіе большой, трепещущей толпы. Мнѣ кѣжется, что я слышу біеніе многихъ сердець и знаю, что всѣ они исполнены однимъ желаніемъ, оживлены единымъ стремленіемъ.

„Я нашель моего Учителя въ саду, я услыхалъ его слова: „Кто разъ увидалъ эту бѣлизну, которую вы видите сегодня передъ собой, или кто только слышалъ о ней съ пониманіемъ, тотъ уже не можетъ оставаться по прежнему въ лѣнивомъ нерадѣніи, которое дѣлаетъ изъ міра мѣсто печали. И если бы тотъ, кто видѣлъ эту бѣлизну или кто слышалъ о ней, даже захотѣлъ отказаться отъ битвы и стать снова какъ другіе, это оказалось бы невозможнымъ. Духъ пробудился и долженъ работать и бороться до конца безъ отдыха и безъ перерыва, кромѣ глубокаго сознанія, которое поддерживаетъ его невредимымъ въ водоворотѣ бурь и скорбей, ибо въ его глубинѣ пребываетъ благоговѣйный, безпредѣльный покой“.

Перев. Е. П.

Исторія года.

Глава IV *).

Черезъ четыре дня происходитъ „Праздникъ Единенія“. Чертогъ сіяетъ, и его окраска напоминаетъ различные оттѣнки аметиста; полъ покрытъ ковромъ растущихъ цвѣтовъ, фіалокъ и анютиныхъ глазокъ. Формула поется тихо; вся толпа учениковъ участвуетъ въ пѣніи, но голоса звучатъ такъ нѣжно, что пѣніе раздается какъ тихій шопоть.

„Нѣтъ болѣе отдѣльныхъ путей“.

„Всѣ различныя стези слились въ единый путь“.

Слѣды учениковъ становятся отнынѣ подобны слѣдамъ высѣченнымъ въ скалѣ, ибо отъ начала вѣковъ каждый, всходившій на путь, ступалъ въ слѣды своего предшественника. Шаги всѣхъ одинаковы. Вотъ почему и царить совершенная любовь, совершенное пониманіе и совершенная симпатія между всѣми, вступившими на путь и ставшими частью Бѣлаго Братства.

Армія Любви подвигается какъ одинъ человѣкъ, ибо среди нея не можетъ быть недоразумѣній и ошибокъ. Она осуществила совершенное единеніе, и ничто, кромѣ такого единенія, не въ состояніи довести „великую битву жизни“ до конца. Вотъ почему всѣ, желающіе жить истинной жизнью, должны осуществить совершенный союзъ любви, по крайней мѣрѣ съ однимъ или съ двумя изъ ближнихъ своихъ.

То, что называется любовью на обыкновенномъ языкѣ міра, есть первый шагъ по направленію къ такому единенію, какъ бы

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 3, стр. 68.

непрестанный призывъ, манящій насъ осуществить великую попытку.

Тѣ, для кого любовь лишь мимолетное переживаніе, не имѣютъ понятія, въ какія глубокія тайны вводитъ она человѣческое сердце. Неспособные сдѣлать первый шагъ черезъ любовь и черезъ нея же сдѣлать слѣдующіе шаги и затѣмъ спѣшно двигаться впередъ, пока ихъ душа въ состояніи будетъ пройти черезъ всю „Церемонію“ сознательно, такіе будутъ отпадать снова и снова, какъ бы сильно ни было ихъ стремленіе, и какъ бы велики ни были ихъ дарованія. Ибо тотъ, кто стоитъ въ одиночествѣ, стоитъ лишь для того, чтобы упасть.

„Я—лишь часть цѣлаго.

„Я—лишь одинъ камень въ великомъ храмѣ.

„Я—воинъ въ единой рати, и я не долженъ отклоняться отъ ближайшаго ко мнѣ даже на единую пядь; ибо сдѣлай я это, движеніе всей рати будетъ разстроено. И потому я сохраняю неизмѣнное единеніе съ моими братьями-соратниками“.

При концѣ церемоніи, когда вся формула, отрывокъ который приведенъ здѣсь, пропѣта до конца, каждый ученикъ произноситъ внятно и раздѣльно слѣдующія слова:

„Пройдя сегодня черезъ всю церемонію до конца, я знаю, что принялъ *въ* себя и *на* сябя отвѣтственность за всѣхъ. Зная это, я готовъ, безъ единой жалобы, быть сброшеннымъ съ мѣста, на которомъ стою, если я отклонюсь или поколеблюсь подъ какимъ бы то ни было испытаніемъ или напряженіемъ, которое упадетъ на ближайшаго ко мнѣ; ибо я знаю, что моя сила *не* можетъ истощиться, пока сотоварищи мои остаются около меня, и пока мы соединены, мы не можемъ упасть“.

ГЛАВА V.

„Праздникъ Удовлетворенія“ слѣдуетъ за „Церемоніей Единенія“ черезъ пять дней. Вотъ его описаніе.

„Дѣлая сегодня ночью усилія, чтобы достигнуть „Чертога“, я подумалъ вначалѣ, что потерялъ дорогу. Я очутился въ высокой чащѣ миртовыхъ кустарниковъ, которые были всѣ въ цвѣту. Надо мной было голубое небо. На минуту меня насквозь пронизало ощущение обвѣвавшего меня свѣжаго воздуха и солнечнаго сіянія, и силы и радости окружавшихъ меня растений. Когда же я вступилъ въ „Чертогъ“, я увидалъ, что всѣ миртовые побѣги срѣзаны, брошены на полу и покрываютъ его своею зеленью.

Кто-то стоявшій рядомъ со мной, сказалъ: „Взгляни, жатва собрана. Она лежитъ подъ ногами идущаго, и при каждомъ его новомъ шагѣ, издаетъ сладостное благоуханіе, которое никогда уже не покинетъ его. Опытъ, приобрѣтенный удовлетворенной любовью, сдѣлался частью его самого, и любовь болѣе не тревожитъ его, но пребываетъ съ нимъ какъ вѣчная радость. Онъ удовлетворенъ, и удовлетвореніе это останется его на всегда. Но уже не какъ часть его самого, ибо самъ онъ поднялся выше, а какъ орудіе, которымъ онъ можетъ пользоваться. Мирта выросла въ высь и взирала въ небо очами своихъ цѣтовъ. А сейчасъ она лежитъ подрѣзанная; она разбросана по полу, какъ ничего не стоящая трава, чтобы разстился душистый коверъ въ Храмъ Поклоненія“.

И тогда я понялъ, что ученики, исполнившіе свою задачу, собираютъ жатву великаго воздаянія, въ видѣ расширенной дѣятельности и рожденія въ новую, болѣе высокую жизнь.

И понявъ это, я почувствовалъ, что и я способенъ присоединиться къ произнесенію формулы. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ формулы:

„Я удовлетворенъ, ибо настало совершеніе.

„Я доволенъ, ибо все кончено.

„Я даю, ибо сердце мое переполнено; оно не можетъ вмѣщать всего, что имѣеть.

„Божественное удовлетвореніе снизошло на меня.

„Я сознаю, что любовь безконечна, хотя самъ я могу удерживать лишь одну каплю.

„И поэтому я срѣзаю деревцо, выражавшее мой личный ростъ.

„Здѣсь на полу „Чертога“, лежитъ мирта моей жизни; здѣсь она увянетъ и будетъ выброшена, когда полъ будетъ очищаться для слѣдующей большой церемоніи.

„Отнынѣ я не имѣю ничего. и я самъ—ничто.

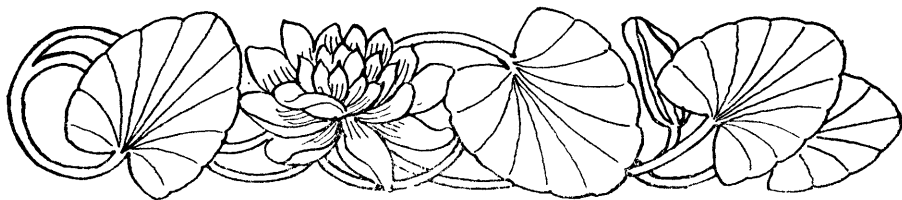
„И однако я все имѣю, и я есмь все.

„Я сплю и бодрствую одновременно.

„Внутри меня—неизмѣримое довольство, которое есть вѣчный покой; разъ достигнутый, онъ уже не можетъ быть нарушенъ никогда. Достигнувъ совершеннаго мира, я готовъ для неустанной дѣятельности и для непрерывной борьбы“.

Пер. Е. П.

Исторія года.

ГЛАВА VI*).

День Рождества—праздникъ рожденія.

Рождество—второй великій праздникъ года; первымъ по значенію считается Свѣтлое Воскресеніе. Слѣдующее описаніе относится къ той же ступени посвященія, какъ и въ Церемоніи Любви, когда цвѣта принимаютъ зеленый и пурпуровый оттѣнокъ.

Чертогъ принялъ розовую окраску блѣднаго цвѣта дикихъ розъ, мѣстами сгущающійся въ болѣе теплые тонѣ. Съ виду это похоже на облака, напоминающія или большіе букеты блѣдныхъ розъ безъ листьевъ, или же нѣжныя облака на вечерней зарѣ. Мѣстами, гдѣ розовый цвѣтъ сгущается въ болѣе теплые тонѣ, изъ глубины этихъ алѣющихъ бликовъ появляются зигзаги пламени; это—сверканіе мысли или чувства, которое и есть рожденіе души.

Большая рѣка открыта и свѣтла. Она является совершенно неподвижной, совсѣмъ не видно теченія, и кажется она огромнымъ зеркаломъ, до того ярко отражаетъ ея поверхность. Не видно ни цвѣтовъ, ни травъ, и ничто не нарушаетъ ея тихую гладь.

Ученики приближаются одинъ за другимъ къ ея краямъ, молча глядятъ въ ея глубину и затѣмъ уступаютъ мѣсто входящимъ. Толпа не очень велика.

Это—наиболѣе важное переживаніе во всемъ году, исключая Свѣтлое Воскресеніе, но здѣсь присутствуютъ немногіе по сравненію съ предыдущими Церемоніями потому, что мало кто въ состояніи выдержать ее. Многіе, прошедшіе черезъ все

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 4, стр. 76.

предыдущее, надѣялись найти силу и для этого труднѣйшаго испытанія, но не выдерживали, слабѣли и отступали, даже приблизившись къ самому входу въ Чертогъ. Нѣкоторые, уже вошедшіе, поворачивались назадъ при видѣ неподвижной рѣки, которая въ своей мертвой тишинѣ и нѣмомъ покоѣ и представляетъ испытаніе. Ибо въ часъ рожденія, въ верховный мигъ, душа взираетъ на себя *безъ покрова*.

Въ тихой водѣ возникаютъ картины, которыя складываются для каждаго иначе. Тамъ онъ видитъ свою собственную жизнь, весь развернувшійся свитокъ пережитаго, отраженный какъ въ зеркалѣ, безъ неясности и безъ смягченія, ничѣмъ не прикрытый. Всѣ факты тутъ, передъ глазами, во всей своей простотѣ и наготѣ, безъ оправданія и безъ личины. Иныя повѣсти, передаваемая водой, иныя выступающія картины прекрасны до того, что самъ глядящій бываетъ часто потрясенъ неожиданной красотой своего поступка изъ давняго прошлаго. Возможно, что онъ дѣйствительно забылъ о немъ, или же старался забыть, немного стыдяся его, ибо иногда люди понуждаются своимъ высшимъ я къ дѣламъ болѣе прекраснымъ и болѣе великодушнымъ, чѣмъ сами они могутъ вмѣстить. Другія картины выступаютъ въ постыдной яркости, иныя грязныя, иныя ужасныя. Ученикъ смотритъ, какъ зачарованный, въ эту неумолимую книгу жизни, въ эти обнаженные итоги, которые развертываются передъ нимъ картина за картиной, какъ длинный свитокъ, пока все не будетъ прочтено до конца, и вся сумма жизни не сложится и не подсчитается съ полной точностью.

И только тогда, подавленный разоблаченіемъ всей своей жизни, ученикъ отходить, уступая мѣсто слѣдующему, и переходитъ въ мѣсто, невидимое для остальныхъ, находящихся въ Чертогѣ, мѣсто, называемое „часовней огня“, гдѣ сосредоточенъ тотъ пламенѣющій свѣтъ, который выступаетъ отъ времени до времени изъ средоточій розоваго цвѣта, окрашивающаго стѣны Чертога. Туда вступаетъ ученикъ. Впечатлѣніе подобно тому, какъ если бы онъ вступилъ въ огонь раскаленнаго горна, ярко пылающій, но не обжигающій. Когда человѣкъ проникаетъ въ этотъ огонь, даже и та его часть, которая составляетъ его животную душу, спадаетъ съ него у порога, и онъ остается обнаженнымъ, безъ покрова и безъ какого бы то ни было прикрытія. И онъ принужденъ войти въ ослѣпительный свѣтъ въ такомъ видѣ—неодѣтымъ, неприкрытымъ, беззащитнымъ. И если онъ сможетъ сдѣлать это, если онъ и теперь не обратится назадъ и не бросится

бѣжать, какъ это дѣлають многіе, которые подвинулись такъ же далеко на *пути*, тогда онъ увидить *самого себя*. Пламя новаго рожденія вырывается изъ сердца блѣдныхъ розъ, которыми покрыты стѣны, каждый разъ, когда человѣкъ имѣлъ силу и смѣлость, чтобы взглянуть на себя въ этотъ мигъ. Всѣ посвященные, находящіеся внутри Чертога, знаютъ по этому признаку, что онъ прошелъ черезъ испытаніе, избралъ жизнь и родился вновь.

Родившійся переходитъ изъ мѣста огня въ мѣсто безмолвія. „Часовня безмолвія“ находится рядомъ съ главнымъ центральнымъ алтаремъ на той же сторонѣ, какъ и „часовня огня“. Душа ученика выходитъ изъ пламени и, вступивъ въ мѣсто тишины, остается тамъ до Свѣтлаго Воскресенія, отдѣленная отъ дѣятельной матерьяльной формы человѣка на весь тотъ промежутокъ. И не ранѣе чѣмъ испытаніе Страстной Пятницы будетъ выдержано и останется позади, и божественная часть человѣческой души страдаетъ свое послѣднее страданіе и погрузится въ глубину могилы, не ранѣе начнетъ человѣкъ воспринимать вдохновеніе отъ своего высшаго я.

Вотъ отрывки формулы Праздника Рождества:

„Я готовъ быть сожженнымъ и уничтоженнымъ, ибо это и есть рожденіе.

„Я готовъ быть обнаженнымъ и беззащитнымъ и страдать отъ своей обнаженности, ибо это и есть жизнь.

„Я готовъ отказаться отъ чистой радости невыраженной жизни для страданія воплощенной жизни.

„Я покоряюсь, и я готовъ оставить позади себя ту любовь, которая вѣрна, совершенна и непреходяща, и удовольствоваться случайными обрывками и разсѣянными частицами ея, дѣлая усилія, чтобы привлечь ихъ къ себѣ, слить ихъ въ одно цѣлое съ собой.

„Я готовъ странствовать въ матерьяльномъ мірѣ въ темнотѣ и въ огнѣ, дабы круговоротъ невоплощенного сталъ единымъ съ воплощеннымъ“.

Когда въ Церемоніи Любви бѣлизна была познана, тогда ученикъ начинаетъ слышать Голосъ Безмолвія уже не изрѣдка, не какъ бы чудеснымъ образомъ проникающей въ сознаніе звукъ, но какъ постоянного руководителя и повелителя. Приказанія достигаютъ духа человѣческаго, и они постигаются его физическимъ разумомъ въ такой полнотѣ, что не только становится ему вѣдомо, какъ повиноваться имъ, но и то, что приказанія эти подлежатъ повиновенію такъ же безусловно, какъ законы природы.

Первыя приказанія, которыя достигаютъ внимающаго духа ученика, бывають слышны въ день Рождества, когда онъ узрѣлъ бѣлизну Праздника Любви и поднялся на первую ступень Бѣлаго Братства.

Вотъ слова перваго приказанія:

„Желаніе рожденія въ новую жизнь должно сложиться въ молитву, въ которой выразится усиліе воли. Эта молитва должна пребывать въ душѣ въ теченіе года безъ перерыва и выливаться въ слова каждое утро, въ моментъ пробужденія. Сознаніе и духъ ученика должны съ силою и совершенствомъ сосредоточиваться на этомъ желаніи. Никогда не должно забываться это ежедневное совершенное сосредоточенье. Если ученикъ пропуститъ хотя одинъ день, рѣшимость вступить въ Чертогъ Обученія въ праздникъ Рождества слѣдующаго года будетъ уже не достаточно сильной, чтобы открыть для него тяжелую дверь.

„Ежедневное сосредоточенье воли и мысли должно продолжаться лишь три минуты, три молитвы должны быть сознательно выражены въ душѣ. Это—три желанія, которыя должны отдѣляться отъ всѣхъ остальныхъ желаній:

„Я желаю совершенной силы.

„Я желаю совершеннаго знанія.

„Я желаю совершенной любви“.

Пер. Е. П.

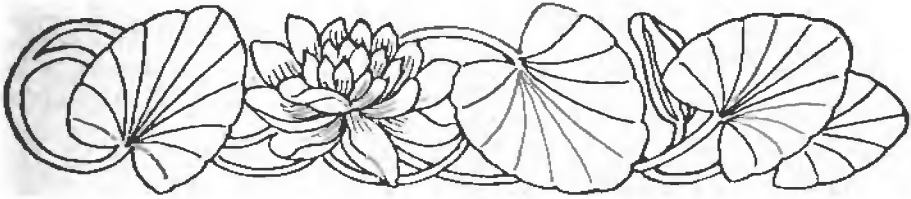
(Продолженіе слѣдуетъ).

Лишь немногіе могучіе смѣло переплывутъ бурный потокъ жизни и смерти, остальные только носятся взадъ и впередъ по теченію въ виду берега.

Даже боги завидуютъ тому, чьи обузданы чувства, какъ кони, укрощенные возницей, кто свободенъ отъ гордости, кто очистился отъ мечтаній.

(Изъ „Дхаммапады“).

Исторія года.

(Продолженіе).

Глава VII*).

Страстная Пятница.

Въ промежутокъ между днемъ рожденія и погруженіемъ въ могилу для божественной части человѣческой души настаетъ время отдыха и приготовления, для матеріальной же ея части — время всевозможнаго опыта и усиленной жизни. Это время — символъ всей жизни человѣка въ матеріи, и ея кульминаціонной точкой является то состояніе темноты, которое мы называемъ смертью. Состояніе это символизируется въ исторіи Христа днями, проведенными во мракѣ могилы.

Въ Страстную Пятницу Чертогъ является ученику мѣстомъ глубокаго мрака; на стѣнахъ, черныхъ, какъ ночь, появляются очертанія и слова въ летучемъ пламени. Въ темнотѣ раздается голосъ:

„Эта тьма, освѣщаемая летучими вспышками свѣта, есть вѣрное отраженіе жизни въ матеріи. Жизнь въ матеріи темна, и ея событія такъ же мимолетны, какъ эти летучія очертанія свѣта. Въ земной жизни нѣтъ ничего неизмѣннаго и нѣтъ въ ней иного истиннаго значенія, кромѣ взаимнаго соприкосновенія между личностями и усилія роста. То, что называется событіями и обстоятельствами и что считается реальнымъ содержаніемъ жизни, въ дѣйствительности лишь условія, которыя вызываютъ эти соприкосновенія и дѣлаютъ возможнымъ этотъ ростъ“.

* См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 5—6, стр. 67.

Чертогъ полонъ молчаливыми тѣнями, неподвижными, какъ изваянія. Одни лишь глаза полны жизни, они устремлены на летучій свѣтъ, вспыхивающій изъ темноты. Это—состояніе безличной, достигшей индивидуальности души, заключившей себя въ эту темницу матеріальной жизни. И снова раздается голосъ:

„Матерія и зло *) пребываютъ. Оба составляютъ божественное тѣло. И они не могутъ быть уничтожены, они подлежатъ преобразженію. Это можетъ быть сказано тѣмъ, кто не нуждается болѣе въ личномъ существованіи, даже какъ въ проводникѣ добра“.

Со дня рожденія божественная часть человѣка, отлучившая себя изъ сонма ангеловъ, чтобы отождествиться со своими собственными преходящими слѣдами, отпечатлѣнными на песокъ время, оставалась во мракѣ, но теперь для нея приближается возобновленіе совершенной жизни. Въ этомъ смыслъ міровой драмы, развертывающейся при рожденіи Будды и Христа, а также и при рожденіи божественнаго въ каждой человѣческой душѣ, въ которой совершается это чудо.

Марія, Богоматерь, божественный творческій духъ, являющійся въ материнскомъ видѣ, дабы дать жизнь Божественному Младенцу, который и есть высшая суть каждаго человѣка. Марія—дѣвственница потому, что божественное—цѣлостно и творитъ внутри своей собственной сути. Вотъ почему бесполезно искать руководительства внѣ своего я. Ученикъ въ то же время и учитель, назидаемый внушаетъ, повелѣваетъ наставникомъ, безмолвіе говоритъ.

Иосифъ христіанской легенды есть Человѣчество—въ непосредственной простотѣ, нетронутое преступленіемъ или порокомъ и непросвѣщенное божественнымъ свѣтомъ, пока Марія не дастъ ему Божественнаго Младенца.

Урокъ, даваемый въ теченіе всего Марта, достигающій въ Страстную Пятницу своей предѣльной точки, состоитъ въ познаніи, что существуетъ и жизнь, и смерть, и что оба составляютъ одно. Три предварительныя церемоніи могутъ быть выражены такъ:

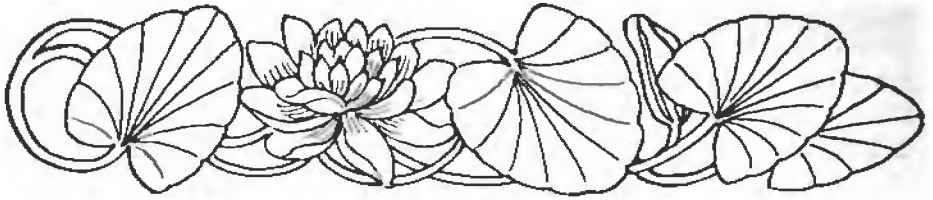
„Я вижу смерть.

„Я знаю смерть.

„Я есмь смерть“.

*) Здѣсь зло понимается не въ земномъ смыслѣ, а въ космическомъ, какъ ограниченіе, необходимое для Божественнаго Самопроявленія. Пока Богъ не проявился, Онъ безграниченъ, когда же Онъ проявляется въ Своемъ Творчествѣ („божественное тѣло“), Онъ жертвуетъ Своимъ Совершенствомъ, ибо ограниченіе есть уже несовершенство, отторженіе отъ цѣлаго.

Прим. перев.

Исторія года.

(Окончаніе).

Глава VIII *).

Свѣтлое Воскресеніе.

„Я проникъ внутрь Чертога; я ощущаю божественныя дуновенія; я чувствую великое Присутствіе. Я знаю, что все—зелено, что почва покрыта быстрорастущими травами, которыя вырастаютъ изъ подъ моихъ ногъ. Листья и зеленыя вѣтви покрываютъ всѣ стѣны. Я не вижу цвѣтовъ. Зеленый полъ кажется необъятнымъ, какъ поверхность самого міра. Я вижу безчисленныя религіозныя процессіи священниковъ, движущіяся по всѣмъ направленіямъ въ облаченіяхъ всѣхъ религій, какія только существуютъ на землѣ. Всѣ безъ исключенія поютъ пасхальные гимны. Я знаю, что это—духъ всѣхъ, совершающихъ въ этотъ день богослуженіе съ вѣрою и правдой, всѣхъ, чувствующихъ все значеніе этого священнаго часа. А толпы закрытыхъ покрывалами тѣней, наполняющія все широкое пространство, это все—молящіяся въ церквахъ и внѣ церквей, поклоняющіяся въ духъ и истинѣ, всѣ начинающіе проникать въ смыслъ своего поклоненія. Все представляется мнѣ смутно, какъ бы сквозь мглу, и это вызываетъ смятеніе, но я знаю, что если бы я могъ видѣть яснѣе, я утерять бы всякое пониманіе матеріальной жизни. Мой духъ недостаточно силенъ, чтобы вынести раскрывающееся передъ моею душой, ибо тотъ Чертогъ, который для смутнаго моего зрѣнія казался измѣ-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 7—8, стр. 65.

римаго объема, въ дѣйствительности не что иное, какъ Всемирный храмъ. Это становится несомнѣннымъ для каждаго проникшаго въ него въ этотъ день.

„Кто-то держитъ меня за руку и ведетъ впередъ; безъ этой помощи было бы трудно стоять и почти невозможно двигаться. Тотъ, кто меня ведетъ, объясняетъ, что всѣ души, обладающія силою любви и истиннаго поклоненія, проходятъ черезъ это мѣсто, которое въ дѣйствительности не мѣсто, а состояніе души. Весьма немногіе достигаютъ до него сознательно, пока живутъ еще въ тѣлѣ, но цѣлыя міриады вступаютъ въ него съ наброшеннымъ покрываломъ, сознающіе лишь въ святая святыхъ души своей. Всѣ они находятся еще въ состояніи зародыша, нуждающагося—подобно яйцу—въ теплѣ и свѣтѣ, что на языкѣ оккультизма означаетъ *знаніе и любовь*, которыя необходимы для развитія скрытой въ нихъ жизни, и жизнь эта не должна сбрасывать съ себя до времени охраняющій ее покровъ, подобно физическому зародышу, который не могъ бы развиваться безъ защищающей скорлупы яйца.

„Отсюда, изъ Чертога Обученія, который есть дѣйствительное мѣстопребываніе для ясновидца, а для духа является состояніемъ или условіемъ бытія, исходятъ всѣ откровенія, все, что дается намъ свыше вдохновенными Учителями. Здѣсь Учителя ожидаютъ своихъ учениковъ, готовые дать имъ обильную духовную пищу. Совершенное знаніе, т. е. знаніе, которое собирается путемъ наблюденія и примѣненія всѣхъ способностей, какъ и всякое зрѣлое знаніе на землѣ, приходитъ къ ученику лишь тогда, когда охраняющая скорлупа разбита, покровъ, скрывавшій духъ, сброшенъ, и божественный человѣкъ стоитъ выпрямившись во весь ростъ; когда такая свобода достигнута вполнѣ, душа покидаетъ свою могилу, и земля уже не имѣетъ силы надъ ней“.

Это событіе и празднуется въ Пасхальную Ночь. И для тѣхъ, которые способны поклоняться съ проникновеннымъ знаніемъ и занять свое мѣсто въ Чертогѣ сознательно въ то время, какъ жизнь въ тѣлѣ еще продолжается и земная дѣятельность еще не прервана, для тѣхъ дѣлаются доступными невыразимыя небесныя радости. Они узнаютъ, какъ надо любить и страдать, какъ нужно отдавать и преклоняться. Таковы уроки, которые проходятся внутри этихъ стѣнъ, построенныхъ изъ самой субстанціи божественной Мысли. Внутри этихъ стѣнъ невозможно ни единое рѣзкое дуновеніе; носящійся тамъ духъ любви всѣмъ управляетъ и охраняетъ все.

Въ тотъ часъ, когда пасхальныя богослуженія прекращаются, когда каменные храмы умолкають и толпы молящихся расходятся, каждый въ свое уединеніе, лишь тогда начинается настоящая церемонія. Но передать ее словомъ нельзя.

Въ ней—экстазь всего года, часъ пробужденія души, когда человѣкъ познаетъ мистерію любви во всей ея полнотѣ. Всѣ входящіе ученики становятся въ ряды какъ братья; всѣ, кто научился любить другъ друга, стоя плечомъ къ плечу, въ тѣсномъ общеніи. И безконечный духъ любви проносится по рядамъ этого радующагося воинства подобно озаряющему свѣту, и въ то же время это—нѣчто незыблемое и вѣчное.

Прошедшіе когда-либо черезъ эту церемонію не могутъ уже ни ранить, ни убивать, ни причинять страданія; и съ каждымъ разомъ, какъ они снова проходятъ черезъ нее, и все глубже и глубже проникають въ ея свѣтлыя глубины, они вырастають въ силѣ и становятся все болѣе жизненными и непреодолимыми силами въ мірѣ, ибо съ каждымъ достигнутымъ успѣхомъ они все болѣе приобщаются къ той силѣ, которая составляетъ принадлежность всего Блага Братства.

Въ глубокомъ тайникѣ души пребываетъ темнота. Тамъ нѣтъ познанія виѣшнихъ вещей и явленій земной жизни.

Въ этомъ мѣстѣ темноты бьетъ живой источникъ любви и вѣчной жизни, что одно и то же.

Если испить изъ этого источника и омыться его водой, ни о чемъ не вопрошая, лишь приникнувъ къ его струямъ, тогда утолится на вѣкъ и жажда познанія, и тоска по неугасающему свѣту.

И воды источника устремятся съ такой силой, что душа возжаждетъ подѣлиться съ другими, и, когда она будетъ поить жаждущихъ, изъ глубины ея поднимется такая радость, которая утишитъ на вѣкъ всю ея жажду, казавшуюся столь безмѣрной и неутолимой.

И тогда совершится чудо Воскресенія, и расцвѣтаніе жизни возникнетъ внутри души и властію этого расцвѣтанія все кругомъ покроется новою зеленью и радость новой жизни внесется въ міръ.

И тогда ты самъ начнешь творить чудеса, и не будетъ у тебя болѣе времени, чтобы останавливаться въ изумленіи передъ тѣмъ, какъ они творятся внѣ тебя.

Въ великой школѣ любви, прежде чѣмъ переступается ея порогъ, у самаго входа необходимо произнести обѣтъ. Вотъ слова, которыя должны сложиться въ сердцѣ твоёмъ:

„Я буду любить“.

Ты болѣе не желаешь любви, ты не требуешь и не ищешь любви. Ты ее даешь.

Пока этотъ обѣтъ не произнесенъ съ полною искренностью, вступленіе невозможно. Когда же онъ произнесенъ, ты войдешь, можетъ быть сознательно, но можетъ быть и безсознательно, сообразно своимъ духовнымъ дарамъ, и съ этого часа ты становишься „ученикомъ“ и начинаешь непрестанно вырастать въ красотѣ и силѣ.

Сладостная острота жизни въ этой атмосферѣ любви и могущества невообразима для тѣхъ, до кого не доносилось еще дуновение ея свѣжей нѣжности. Вкусить ее во всей полнотѣ, означаетъ воистину воскреснуть въ новую жизнь.

Δ.

Перев. Е. П.

К О Н Е Ц Ъ.

МЫСЛИ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Мы не знаемъ Бога, но все, что мы знаемъ о мірѣ, мы знаемъ потому, что знаемъ Бога.

Въ той мѣрѣ, въ которой человѣкъ исполняетъ законъ Бога, въ той мѣрѣ онъ и знаетъ Его. И потому, у человѣка, приближающагося къ Богу, понятіе о Немъ постоянно измѣняется.

Любовь къ Богу, есть любовь къ совершенству. Любовь къ совершенству вызываетъ стремленіе къ нему. Стремленіе къ совершенству есть сущность жизни. И потому жизнь человѣка всегда есть сознательная или безсознательная любовь къ Богу.

Любовь къ Богу значитъ любовь къ добру.

Любовь къ ближнему безъ любви къ Богу есть растеніе безъ корней.